

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13704

EDN: IVANOX

Древнеиндийские сюжеты в ойратском сборнике «Сказание Нектарного Учения»

Б. В. Меняев

*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(г. Элиста, Российская Федерация)*

e-mail: bmeyaev@mail.ru

Аннотация. Вопросы о сходстве сюжетов ойратских письменных памятников с древнеиндийскими все еще остаются недостаточно изученными. Большинство ойратских сочинений не введены в научный оборот, не переведены на русский и другие европейские языки. В статье рассмотрено происхождение сюжетов ойратского религиозно-дидактического сборника XVII–XVIII вв. “Arṣān nomiyin tuuji” («Сказание Нектарного Учения»), восходящего к литературным памятникам Древней Индии. Сборник состоит из шестидесяти четырех коротких буддийских историй. В качестве обрамления в нем выступает схема тибетского буддийского трактата «Ламрим», излагаемого в тезисной форме. Основные положения трактата раскрываются в сборнике с помощью примеров из различных источников. Сборник отличается строгим функциональным назначением: он вводит мирян в курс буддийского учения и наставляет их на путь добродетели, им пользовались буддийские монахи до начала XX в. в качестве руководства в проповеднической практике. В статье рассмотрены структура и содержание ойратских и древнеиндийских сюжетов в их повествовательном изложении, выявлены сходства и локальные различия. Генетически близкие сюжеты помогают лучше понять содержание коротких рассказов ойратского сборника, утративших свои существенные структурные компоненты. Рассказы «Сказания Нектарного Учения» отличаются от текстов-источников предельной сжатостью сюжетов, в них отсутствуют описания и сравнения, основное внимание сконцентрировано только на поступках героев, действие динамично разворачивается. Значительное сходство «Сказаний Нектарного Учения» с древнеиндийскими сочинениями отмечено на сюжетно-композиционном уровне. Выявление локальных различий в ойратском сборнике проясняет судьбу древнеиндийских памятников вне Индии.

Ключевые слова: буддийская дидактическая литература, ойратский сборник, Сказания Нектарного Учения, древнеиндийский источник, тибетский перевод, сюжет, сравнительный анализ, происхождение сюжетов, генезис

Для цитирования: Меняев Б. В. Древнеиндийские сюжеты в ойратском сборнике «Сказание Нектарного Учения» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 7–24. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13704. EDN: IVANOX

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13704

EDN: IVAHOX

Ancient Indian Stories in the Oirat Collection “The Tale of the Nectar Teaching”

Badma V. Menyaev

*Kalmyk State University Named After B. B. Gorodovikov
(Elista, Russian Federation)*

e-mail: bmeyaev@mail.ru

Abstract. Questions about the similarity of the plots of Oirat written monuments with ancient Indian ones still remain insufficiently studied. Most of the Oirat works have not yet been introduced into scientific circulation or translated into Russian and other European languages. The article examines the origin of the plots of 17th and 18th century Oirat religious and didactic collection. “Aršan nomiyin tuuji” (“The Tale of the Nectar Teaching”), dating back to the literary monuments of Ancient India. The collection consists of sixty-four short Buddhist stories. It is framed by a diagram of the Tibetan Buddhist treatise “Lamrim,” presented in thesis form. The main provisions of the treatise are revealed in the collection with the help of artistic examples from various Indian and Tibetan sources. The collection is distinguished by a strict functional purpose; it introduces the laity to the course of Buddhist teachings and instructs them on the path of virtue. It was used by Buddhist monks as a guide in his preaching practice until the beginning of the 20th century. The article examines the structure and content of Oirat and ancient Indian stories in their narrative presentation, identifying similarities and local differences. As a result of the study, it was established that genetically similar plots help to better understand the content of short stories in the Oirat collection, which have lost their essential structural components due to various reasons. The stories of “The Tale of the Nectar Teaching” differ from the source texts by the extreme conciseness of their plots: they lack any descriptions or comparisons, the main focus is exclusively on heroes’ actions, the action unfolds abruptly and dynamically. We noted a significant similarity between the plots of “The Tale of the Nectar Teaching” and ancient Indian works both at the plot-compositional and at content levels. This fact indicates their genetic relationship. The identification of the local differences in the Oirat collection demonstrates the genesis of the plots of ancient Indian monuments and their fate outside India.

Keywords: Buddhist didactic literature, Oirat collection, The Tale of the Nectar Teaching, ancient Indian source, Tibetan translation, plots, comparative analysis, origin of plots, genesis

For citation: Menyaev B. V. Ancient Indian Stories in the Oirat Collection “The Tale of the Nectar Teaching”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 7–24. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13704. EDN: IVAHOX (In Russ.)

В изучении санскритской литературы до сих пор остается не выясненным один из самых интересных и сложных вопросов — вопрос о ее мировом влиянии и проникновении ее сюжетов в том или ином трансформированном виде в различные национальные литературы.

Настоящий вопрос, являясь проблемой исторической поэтики, не считается новым: еще в 1859 г. немецкий санскритолог Теодор Бенфей (1809–1881) в труде “Pantschatantra: fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen” («Панчатантра: пять книг индийских басен, сказок и рассказов») показал миграцию тем и сюжетов санскритских сборников по всему миру, то есть заложил основы «теории заимствований» и совершил тем самым переворот в исследовании литературы и фольклора. Он писал, что «индийские рассказы и сказки распространились по всему миру еще до X в. После мусульманского вторжения в Индию устная традиция уступила место литературной. Индийские повествования были переведены на арабский язык и относительно быстро распространились в исламском мире, а благодаря их многочисленным контактам с христианами — и по всему миру.

Еще в большем масштабе индийская литература стала известной благодаря своему влиянию на буддийскую литературу. Через нее она проникла в Китай, Тибет и Монголию. Монголы правили Европой почти двести лет и тем самым открыли широкие врата для проникновения индийских сюжетов в Европу. Итак, с одной стороны, ислам, с другой — буддизм, помогли распространить индийские рассказы и сказки по всему миру» [Benfey: XXII–XXIV]¹. Мнение Бенфея о решающей роли индийского влияния в мировой литературе и фольклоре получило дальнейшую разработку и до сих пор находится в центре внимания исследователей. К примеру, в области фольклора это труды А. Вебера [Weber], Р. Кёхлера [Köhler], А. Форка [Forke], А. Н. Веселовского [Веселовский, 1938], А. Аарне [Aarne], С. Томпсона [Thompson] и др.

Вопросам влияния санскритских сборников на соответствующие жанры тибетской и монгольской литератур были посвящены работы Б. Я. Владимирцова [Владимирцов],

¹ Здесь и далее переводы иностранных источников на русский язык принадлежат автору статьи.

Ц. Дамдинсурэна, П. А. Гринцера [Дамдинсурэн, Гринцер], Ц. Дамдинсурэна, С. Д. Серебряного [Дамдинсурэн, Серебряный], Ш. Биры [Бира], Ц. Дамдинсурэна, А. Д. Цендиной [Дамдинсурэн, Цендина]; Д. Ёндон [Ёндон], Б. Д. Баяртуев [Баяртуев], А. С.-О. Донгак [Донгак], З. Б. Самдан [Самдан] и др. Следует отметить, что контакты монгольских народов с Индией осуществлялись преимущественно через посредничество Тибета, поэтому исследователи чаще говорят о связях Монголии с «индо-тибетской культурой», чем о связях с Индией как таковой: «Ранние религиозные книги на тибетском языке представляли собой просто переводы с санскрита, выполненные индийскими монахами, тибетскими, а также китайскими переводчиками» [Schlagintweit: 76].

В методологии вышеперечисленных работ есть много общего. Сравнение предполагаемого литературного оригинала, его переводов и подражаний ему основывалось лишь на сходстве по содержанию. Некоторым исследователям удалось точно проследить постепенное распространение и соответствующие изменения того или иного сюжета от литературы к литературе. Но чаще материал, дошедший до нашего времени, был слишком неполным, в сюжетной линии отсутствовали существенные звенья, и тогда ученые строили какие-то общие предположения, указывая на популярность источников — таких как «Панчатантра» или «Рамаьяна».

Сравнительный метод еще в 1870 г. лег в основу положительной части программы «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского, о котором он писал: «...в методе, которому я желал бы научить вас и, вместе с вами, сам ему научиться. Я разумею метод сравнительный» [Веселовский, 1989: 37]. Работы Веселовского часто называли бенфеевскими, и он не отказывался от его влияния. Из «Автобиографии» известно, что Веселовскому также нравились идеи еще одного сторонника «миграционной теории» Ф. И. Буслаева [Пыпин: 423–427], убежденного в том, что «умение усваивать чужое свидетельствует о здоровье народного организма» [Топорков: 356]. И. О. Шайтанов пишет, что сравнительный метод является «универсальным», «он не ограничивает себя межнациональными контактами. Понять значит сопоставить, увидеть аналогичным или, возможно, установить неожиданное родство. Нет культур, которым присуще только

"свое"» [Шайтанов: 170]. Исследователь литературы Древней Индии П. А. Гринцер считает, что «сравнительный метод установления генетических связей и путей воздействия литературных произведений является целесообразным и многообещающим» [Гринцер: 298].

Вот уже более века, начиная с Б. Я. Владимирцова (1921), предметом острой полемики служит вопрос о сходстве сюжетов индийских и ойратских произведений. Имеются точные данные о знакомстве калмыков с произведениями индийской литературы. Об этом, в частности, свидетельствуют переводы Б. Бергманна 1804 г. на немецкий язык калмыцких версий сборника индийских рассказов «Волшебный мертвец»² и буддийской повести об Ушандар-хане.

Сборник «Сказание Нектарного Учения» (“Arṣāni nomiḡin tuuḡi”) занимает особое место в ойратской комментаторской литературе XVII — начала XVIII в. Интерес к настоящему комментарию, пришедшему из Тибета, восходящему в основном к древнеиндийской книжной традиции, всегда был высок со стороны ойратского монашества, книжников и мирян, владевших ойратской письменностью «тодо бичик»³. Об этом свидетельствуют списки частных собраний, зафиксированные исследователями среди ойратов Китая и калмыков России в XIX–XX вв. [Попов], (*Каталог Лыткина*), [Отчет Н. Очирова: 88–89], [Нимэн Басң: 1], [Очрин Намжл: 618].

На сегодняшний день нами обнаружено три списка «Сказания Нектарного Учения», хранящихся в Научной библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (далее *Список 1*), рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (далее *Список 2*) и Государственном архиве Республики Татарстан (далее *Список 3*). Текст во всех трех списках идентичен, за исключением небольших различий (окончания слов, некоторые пропуски, сокращения, замены, различное написание слов и др.).

² Оригинал «Волшебного мертвеца» на калмыцком языке опубликован в 1866 г. К. Ф. Голстунским.

³ Тодо бичик (букв. ‘ясное письмо’) — ойратское вертикальное письмо, которое было создано в 1648 г. ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольского письма.

Настоящий сборник состоит из шестидесяти четырех лаконичных повествовательных единиц (притчи, джатаки, аваданы, рассказы). По содержанию сборник относится к комментариям, в которых в качестве обрамления выступает схема буддийского учения «Ламрим»⁴, излагаемого в тезисной форме в виде сентенций, основные положения которых раскрываются с помощью художественных примеров, т. е. прозаических текстов разнородного состава с чередованием небольших стихов. Произведения такого жанра были предназначены главным образом для распространения буддийского учения среди простого народа и наставления их на путь добродетели [Меняев, 2011: 78] — иными словами, они служили в качестве руководства в религиозной практике мирян.

До настоящего времени нет специальных исследований сборника «Сказания Нектарного Учения». Имеется ряд работ, где сборник привлекался в качестве образца письменного калмыцкого языка [Попов], а также в качестве сравнительного материала с сюжетами тибето-монгольской литературы [Владимирцов], [Ёндон]. Автором настоящей статьи опубликован ряд исследований, посвященных изучению мотивов, сюжетов, персонажей настоящего сборника [Меняев, 2008, 2023a, b, c].

В самом тексте «Сказания Нектарного Учения» указан лишь один источник — сборник историй и авадан «Кармашатака» (ойр. “Zoun üyiletü” < тиб. las brgya tham pa < санскр. Karmaśataka (karma «деяние» и śataka «сто») букв. ‘Сто деяний’ или ‘Сто карм’), который был широко известен в буддийской литературе на санскрите и в переводах. Исследователи Саркар Садханчандра и Чутивонгс Нандана предполагают, что сборник «Кармашатака» был создан в начале нашей эры представителями буддийской школы сарвастивадинов, в окрестностях Кашмира [Chutiwongs], [Sarkar]. К сожалению, санскритский оригинал сборника не дошел до наших дней, он сохранился лишь в тибетском и монгольском переводах (см.: *Karmaśataka, Mongolian Kanjur*). Исследовав

⁴ Ламрим (тиб. букв. ‘ступени пути’) — религиозно-философский трактат, «система представлений о трех типах личности, теории пустотности, необходимости практики созерцания. В Тибете ее разработкой занимались Атиша и более подробно Цонкапы в трактате “Ламрим чхенмо” (“Ступени великого пути”). См.: Буддизм: словарь / Абаева Л. Л., Андросов В. П. и др. М.: Республика, 1992. С. 168–169.

весь текст «Кармашатаки», мы обнаружили близкие сюжеты к двадцати рассказам «Сказания Нектарного Учения». Истории, представленные в «Кармашатаке», более полные и содержательные — видимо, наши истории являются сокращенными вариантами данных рассказов.

Синоптическое сопоставление рассказов № 2 и 35 «Сказания Нектарного Учения» (*Список 1*: 36–4а; 386–39а) с рассказом «Собака» из «Кармашатаки» (*Karmaśataka*: I) выявило общую сюжетно-композиционную структуру, состоящую из таких позиций, как рождение красивого сына в семье домохозяина, появление у мальчика собаки, отличавшей праведных монахов от еретиков, приход Шарипутры в дом домохозяина, получение людьми и собакой наставлений Дхармы, смерть собаки и перерождение ее в дочь того же домохозяина, избавление собаки от пятисотлетнего рождения, обращение девушки в монахиню и достижение состояния архата⁵, совершение греха в прошлой жизни (сравнение других монахинь с собаками). Сюжет тибетского перевода санскритского сборника при сравнении с ойратским, отличается многособытийностью, описательностью, действие имеет более длительную протяженность во времени. Благодаря исходному тексту становится ясно, что рассказы 2 и 35-й являются трансформированными отрывками одного сюжета, с разными заключительными предложениями, отсутствующими в санскритском сборнике: в первом рассказе — *все, кто практикуют Священное Учение, должны уразуметь, что духовное существо Будды возрастает из собственного духа, во втором рассказе — все, кто практикуют Учение, должны оставить чрезмерные грехи и прилежать в чтении мантр.*

Все элементы сюжета в ойратском сборнике: красочные описания места действия, прямые характеристики персонажей — опущены; пространство и время событий уплотнены максимально. Индийский сюжет в ойратском сборнике получил буддийскую интерпретацию, подчиняясь основной дидактической установке данного цикла рассказов — дать мирянам

⁵ Архат — тот, кто сумел подавить в себе желания и привязанности и, обретя таким образом высшую свободу, достиг последней ступени святости на пути к нирване. См.: Видения буддийского ада / предисл., пер., транслит., примеч. и глоссарий А. Г. Сазыкина. СПб.: Нартанг, 2004. С. 245.

образец такого поведения, следуя которому они обеспечили бы себе освобождение от уз сансары и вступление на путь Махаяны. Весь жизненный путь героя представлен как цепочка состояний. Эпизоды взаимосвязаны между собой, каждый последующий как бы вытекает из предыдущего и является его следствием. Рассказ о «прошлом» отличает малособытийность сюжета. В основу его положен один эпизод из прошлой жизни героя, определивший его последующее перерождение. Основным мотивом в рассказе выступает мотив воздаяния — плохое деяние монахини неизбежно оказывает действие на последующие ее пятьсот жизней в облики собаки — до тех пор, пока полностью не исчерпалась ее мера содеянного.

При сравнении сюжета четвертого рассказа ойратского сборника (*Список 1: 46–66*) с индийскими текстами («Джатака о муже добродетельном» (*Джатаки: 119–126*), «Царь» (*Kar-maśataka: X*)) видно, что они близки друг другу мотивом жертвования царя-бодхисаттвы⁶ во имя высшей цели — спасения живых существ, а именно — в целях спасения своего народа. У царя есть сильное войско, но он не желает гибели людей, поэтому добровольно сдает государство вражескому предводителю. В тексте палийской джатаки царь, открыв ворота, сидя на своем троне, встречает врага — в рассказах «Кармашатаки» и «Сказания Нектарного Учения» царь уходит в лес, живет, питаясь лишь кореньями и плодами. Сюжет рассказа из «Кармашатаки» объясняет нам причину нападения вражеского царя на страну царя Варанаси: переселение народа из-за тяжелых налогов в благополучную страну.

Рассказы «Кармашатаки» и ойратского сборника близки также второй ситуацией, когда царь приносит себя в жертву по просьбе бедствующего просителя-брамина, настоящая мотивировка действия диктуется извне. В эпилоге всех трех текстов поясняется, что главным героем был сам Будда в одном из своих прошлых рождений. Это четко показывает, что настоящие рассказы относятся к дидактическому жанру —

⁶ Бодхисатт(в)а (санскр. *bodhisattva*; букв. «обладающий просветленной сущностью») — будущий Будда, то есть Будда Шакьямуни в одном из «прежних существований», а также и в «последнем рождении» до обретения просветления (бодхи) (*Джатаки: 327*).

джатаки, в аваданах же главными героями могут быть ученики или последователи Будды.

Сравнительный анализ сюжета ойратского рассказа с аналогичными рассказами из заимствованных индийских сочинений, переведенных на тибетский язык, демонстрирует, как в процессе исторического развития менялась структура сюжета, соотношение составляющих ее элементов (к примеру, во втором и третьем текстах отсутствует наставление Будды). Предполагаемый нами текст-источник из «Кармашатаки» отличается несомненным художественным достоинством.

Десятый рассказ из «Сказания Нектарного Учения» (*Список I: 9а–9б*), видимо, является кратким пересказом первой истории «Муравьи» из «Кармашатаки» (*Karmaśataka: IV*). В давние времена на берегу одной реки жила черепаха, которая была сострадательной ко всем, любила все живые существа. Она ходила по суше и плавала в воде. Однажды, когда она уснула на берегу, ее увидел муравей. Он привел с собой восемьдесят тысяч других муравьев, и они стали ее есть. Бодхисаттва-черепаха из любви к живым существам не стала возвращаться в воду, так как этим поступком она могла бы убить много жизней. Она решила пожертвовать собой во имя их спасения. Когда восемьдесят тысяч муравьев поглотили ее, она, молясь, просила стать татхагатой⁷, архатом, полностью пробужденным Буддой, наделенным совершенным знанием и совершенным поведением, сугатой⁸, знающим мир, укротителем людей, колесничим, непревзойденным, учителем людей и богов, благословенным Буддой. Став защитником, она смогла бы направлять слепых на истинный путь. Насыщение муравьев своей плотью и кровью черепаха сравнивает с насыщением вкуса святой Дхармы, утверждающей их в непревзойденном, высшем благополучии нирваны. Черепаха стала Буддой, а восемьдесят тысяч муравьев — монахами.

Во второй истории «Кармашатаки» животным-бодхисаттвой представлена ящерица, жертвующая собой, подобно черепахе. Следует отметить, что сюжеты с животными-бодхисаттвами

⁷ Татхагата — букв. «Тот, кто таким образом ушел/пришел», эпитет Будды Шакьямуни (*Karmaśataka*).

⁸ Сугата — букв. «Ушедший в блаженство», эпитет будды (*Karmaśataka*).

являются довольно распространенными в индо-тибетской литературе и ее переводах. В «Джанлундо» («Сутре мудрости и глупости») животными-бодхисаттвами, жертвующими собой ради спасения других живых существ, выступают дикий зверь Кунт и рыба-монстр [Rockhill: 5].

Сюжеты о милосердных людях и животных из нашего сборника имеют соответствия в выдающемся памятнике мировой литературы — Панчатантра [Панчатантра]. Двадцать четвертый рассказ из «Сказания Нектарного Учения» (*Список 1*: 236–25а) близок по содержанию к девятому рассказу из первого раздела «Панчатантры» и относится к сюжетному типу АТУ 160 «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы» [Меняев, 2023с].

В основе сорок четвертого сюжета ойратского памятника «Сказания Нектарного Учения» о сотворении призрачного сына Рамана-хана (*Список 1*: 476–486) лежит видоизмененный сюжет о рождении сыновей Рамы из седьмой заключительной книги «Уттары Канда» знаменитого древнеиндийского эпоса «Рамаяны», в котором говорится, что Сита, находясь в изгнании, в обители мудреца Вальмики родила двух прекрасных, как утренняя заря, мальчиков Кушу и Лаву — сыновей великого Рамы [The Ramayana of Valmiki: XVII]. Наиболее близким вариантом нашей истории на санскрите является сюжет, представленный в «Катхасаритсагаре» («Океан сказаний»), сочиненной в XI в. кашмирским поэтом Самодевой. Мудрец Вальмики, не обнаружив Лаву в хижине, подумал, что его утащил тигр, и создал подобие малыша из травы куши, дав ему имя Куша. Сюжет о сотворении ребенка из священной травы куши весьма распространен в различных вариантах «Рамаяны»: кашмирской [The Kāshmiri Rāmayana: XLIV], бенгальской [Bhattacharya: 615], сингальской [Godakumbura: 16], тайской [Ramayana], малайской [Сказание о Сери Раме] и других версиях «Рамаяны». Трава куша (*Desmostachya bipinnat* — демостахия двуперистая) в индуизме и буддизме считается священным растением и преподносится божествам при различных ритуалах и обрядах, а также используется в качестве очищения от загрязнений.

О создании Куши из травы повествуется также в тибетской редакции «Рамаяны», в частности в Списках, доставленных Йонгом из Восточного Туркестана. Царь Рамана отправляется на войну с царем Бенбала и оставляет жену Ситу с сыном Лавой на горе Малайана под охраной пятиста мудрецов. Однажды Сита собралась гулять, оставив Лаву с мудрецами, однако мальчик увязался за ней. Мудрецы, отвлекшись, замечают исчезновение Лавы. Задумавшись, они из травы куши создают подобие Лавы. Сита с Лавой возвращаются, мудрецы объясняют Сите появление другого сына. Сита, полюбив мальчика, принимает его как сына под именем Куша [Jong: 196]. В отличие от вышеприведенных эпизодов, связанных с появлением сына Рамы — Куши, наша история подверглась буддийской обработке: пятишестилетний сын хана Рамана пишет буддийские сутры золотом, при этом отец способствует делу сына, собирает дань с иностранных государств для завершения написания сутр: «Согласно буддийской традиции, переписывание сутр золотыми чернилами считается высшей духовной заслугой, добродетелью (ойр. *dëdii biuan*), способствующей очищению от грехов и благому перерождению» [Меняев, 2023b: 40]. Волшебство, связанное с историей сотворения и историей исчезновения подобия сына, Раманы, объясняется «концепцией иллюзорности» и «идеями мгновенности», которые занимают важное место в буддийской философии и присутствуют во многих буддийских текстах. Сюжет сотворения ребенка ламой был также широко распространен в устной традиции ойратов [Потанин: 275–277].

Итак, рассмотренные нами сюжеты ойратского сборника «Сказание Нектарного Учения» восходят к различным сочинениям древнеиндийской литературы. В рассказах, заимствованных из индийских источников посредством тибетских переводов, четко прослеживаются изменения сюжетов. Для рассказов «Сказания Нектарного Учения» характерна упрощенная композиционная структура: разные части текста в неодинаковой степени подверглись сокращениям — в частности, сократился объем пространственных описаний, развернутых сравнений. В результате сюжеты рассказов ойратского сборника обрели сжатость, основное внимание сконцентрировано на поступках героев, действие разворачивается остро, динамично. Все это

в совокупности в значительной степени упростило восприятие содержания рассказов. Такой характер переработки материала показывает, что они прошли через несколько стадий переводов (с санскрита на тибетский, после на ойратский), устной передачи и переписки текстов. На устный характер пересказа повествовательного материала также указывает термин в названии сборника *тууджи* букв. 'устная история, сказание'.

Древнеиндийские сюжеты в «Сказании Нектарного Учения» получили буддийскую интерпретацию, подчиняясь основной дидактической установке сборника: практически каждый рассказ завершается краткой сентенцией, объясняющей мирянам нормы их поведения согласно тибетскому трактату «Ламрим».

Источники

Джатаки — Джатаки: из первой книги «Джатак» / пер. с пали Б. Захарьина; стихи в пер. А. Голембы. М.: Худож. лит., 1979. 351 с.

Каталог Лыткина — Каталог [к] книгам рукописным, употребляемым правоверными ойратами, составленный в 1859–1860 гг. Г. С. Лыткиным // Научная библиотека Восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. С. 23. № 1877. 23 л.

Список 1 — *Aršan nomiyin tuuji orošiboi* (Сказание Нектарного Учения). A Collection of Didactic Stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека Восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. Е 6. № 1917 (старый шифр: Хул. Q 107. Oirat ms.). 43 л.

Список 2 — *Aršāni nomiyin tuuji* (Сказание Нектарного Учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеева). Шифр С 197. 64 л.

Список 3 — Буддийские легенды на калмыцком языке // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11–24.

Karmaśataka — Degé Kangyur, vol. 73 (mdo sde, ha), листы 1.b — 309.a и vol. 74 (mdo sde, a), листы 1.b — 128.b [Электронный ресурс]. URL: <https://read.84000.co/translation/toh340.html#UT22084-073-001-chapter-9> (06.06.2023).

Mongolian Kanjur — Mongolian Kanjur. Vol. 90 / ed. by Lokesh Chandra. From the Collection of Profs. Raghuvira. New Delhi: National Mission for manuscripts, 2020. 887 p.

Список литературы

1. Баяртуев Б. Д. Мотивы и сюжеты «Панчатантры» в бурятской литературе дооктябрьского периода: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1987. 184 с.
2. Бира Ш. «Кавьядарша» Дандина в Монголии // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 181–197.
3. Веселовский А. Н. Собр. соч. М.: Изд-во АН; Л.: Отд-ние рус. яз. и словесности АН, 1938. Т. 16. С. 1–82.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 406 с.
5. Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Raicatatra. Пг.: Акад. 12-я гос. тип., 1921. 164 с.
6. Гринцер П. А. Древнеиндийская литература. М.: РГГУ, 2008. 548 с.
7. Дамдинсурэн Ц., Гринцер П. А. Монгольские версии «Сказания о Раме» // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 151–180.
8. Дамдинсурэн Ц., Серебряный С. Д. «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.
9. [Дамдинсурэн Ц., Цендина А. Д.] Тибетский сборник рассказов из Панчатантры / вводная ст., изд. текста и пер. Ц. Дамдинсурэна и А. Д. Цендиной. Улан-Батор: Институт языка и литературы АН МНР, 1983. Т. 20. Ч. 3. 107 с.
10. Донгак А. С.-О. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. 164 с.
11. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. М.: Наука, 1989. 183 с.
12. Меняев Б. В. Ойратский сборник «Сказание нектарного учения»: мотив посещения ада // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 88–93.
13. Меняев Б. В. Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного учения» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 76–78.
14. Меняев Б. В. «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного учения» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 154–162 [Электронный ресурс]. URL: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/451> (10.01.2024). DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162 (a)
15. Меняев Б. В. Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии: исслед. и мат-лы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 544 с. (b)
16. Меняев Б. В. Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 9. С. 281–299 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/4968> (10.01.2024). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299 (c)
17. Нимэн Басң. Нимэн Басң болн түүнд бээсн хуучна номуд (Ни. Басанг и его коллекция старинных книг) // Хан Тенгр. Үрмч: Шинжэңгин ардын кевллин хора, 1984. № 2. С. 1–3.

18. Отчет Н. Очирова. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. Сер. II. № 2. С. 63–91.
19. Очрин Намжл. Мини хадһлсн сурвлж бичгин таньлцулһ (О моей коллекции письменных памятников на ойратском письме) // Шинжэнгин өөлдчүдин заң-үүл (О традициях олётов Синьцзяна). Урмч: Шинжэнгин шинжлх ухан техник мергжлин кевллин хора, 2011. С. 614–641.
20. Панчатантра / пер. с санскрита, предисл., примеч. и прилож. А. Я. Сыркина. 4-е изд., испр. и доп. М.: Наука-Вост. лит., 2020. 414 с.
21. Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1847. 392 с.
22. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 1026 с.
23. Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1891. Т. 2. С. 423–427.
24. Самдан З. Б. Индийские сюжеты в эпической и сказочно-мифологической традиции тувинцев. Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3 (3). С. 70–80 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskie-syuzhety-v-epicheskoy-i-skazochno-mifologicheskoy-traditsii-tuvintsev> (10.01.2024).
25. Сказание о Сери Раме: Индонезийская Рамаяна / пер. с индонез., предисл. и примеч. Л. А. Мерварт. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 294 с.
26. Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.
27. Шайтанов И. О. Историческая поэтика А. Н. Веселовского: сравнительный метод // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 170–175.
28. Aarne A. The Types of the Folktale a Classification and Bibliography / translated and enlarged by Stith Thompson. New York: Burt Franklin, 1971. 279 p.
29. Benfey T. Panchatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig: Brockhaus, 1859. Vol. 1. 611 p.
30. Bhattacharya A. Oral Tradition of the Rāmāyana in Bengal // The Ramayana Tradition in Asia / ed. by V. Raghava. New Delhi: Sahitya Akademi, 1980. P. 614–616.
31. Chutiwongs N. On the Jātaka Reliefs at Cula Pathon Cetiya // Journal of the Siam Society. 1978. Vol. 66. Part 1. P. 133–151.
32. Forke A. Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die vergleichende Märchenforschung. Berlin: K. Curtius, 1911. 77 s.
33. Godakumbura C. E. The Rāmāyana. A Version of Rama Story from Ceylon // Journal of the Roal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1946. No. 1. P. 14–22.
34. Jong J. W. de. An Old Tibetan Version of the Ramāyāna // T'oung Pao. 1972. Vol. 58. P. 190–202.

35. Köhler R. *Kleinere Schriften zur Märchenforschung*. Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898. 608 s.
36. *Ramayana: Masterpiece of Thai Literature Retold from the Original Version: The Story Was Also Depicted in Frescoes on the Walls of the Temple of the Emerald Buddha in the Grand Palace of Bangkok / written by King Rama I of Siam*. Bangkok: Chalermnit, 1982. P. 90–92.
37. Rockhill W. W. *Tibetan Buddhist Birth-Stories: Extracts and Translations from the Kandjur // Journal American oriental society*. Ed. by Ch. R. Lanman and G. F. Moore. Vol. 18. First half. New Haven: Yale University, 1897. P. 1–14.
38. Sarkar S. *A Study on the Jātakas and the Avadānas: Critical and Comparative*. Calcutta: Saraswat Library, 1981. Vol. 1. 586 p.
39. Schlagintweit E. *Buddhism in Tibet Illustrated by Literary Documents and Objects of Religious Worship. With an Account of the Buddhist Systems Preceding it in India*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1863. 403 p.
40. *The Kāshmiri Rāmāyana / ed. by G. A. Grierson*. Calcutta: Published by the Asiatic Society of Bengal, and Printed by P. Knight, Baptist Mission Press, 1930. 139 p.
41. *The Ramayana of Valmiki / translated by Hari Prasad Shastri*. London: Shanti Sadan, 1952. Vol. 2. 708 p.
42. Thompson S. *Motif-Index of Folk-Literature*. Vol. 1–7. Bloomington: Indiana University, 1955–1958.
43. Weber A. *Indische Studien*. Berlin: Leipzig, 1849–1878.

References

1. Bayartuev B. D. *Motivy i syuzhety "Panchatantry" v buryatskoy literature dooktyabr'skogo perioda: dis. ... kand. filol. nauk [Motifs and Plots of "Panchatantra" in the Buryat Literature of the Pre-October Period. PhD. philol. sci. diss.]*. Ulan-Ude, 1987. 184 p. (In Russ.)
2. Bira Sh. Dandin's *Kavyadarsha* in Mongolia. In: *Literaturnye svyazi Mongolii [Literary Relations of Mongolia]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 181–197. (In Russ.)
3. Veselovskiy A. N. *Sobranie sochineniy [Collected Works]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences; Leningrad, Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences Publ., 1938, vol. 16, pp. 1–82. (In Russ.)
4. Damdinsuren Ts., Grintser P. A. Mongolian Versions of the "Legend of Rama". In: *Literaturnye svyazi Mongolii [Literary Relations of Mongolia]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 151–180. (In Russ.)
5. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 406 p. (In Russ.)
6. Vladimirtsov B. Ya. *Mongol'skiy sbornik rasskazov iz Pañcatantra [Mongolian Short Story Collection from Pañcatantra]*. Petrograd, Akademicheskaya 12 gosudarstvennaya Tipografiya Publ., 1921. 164 p. (In Russ.)
7. Grintser P. A. *Drevneindijskaya literatura [Ancient Indian Literature]*. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2008. 548 p. (In Russ.)

8. Damdinsuren Ts., Serebryanny S. D. “Framed Stories” in India and Among the Mongolic Peoples. In: *Literaturnye svyazi Mongolii [Literary Relations of Mongolia]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 130–150. (In Russ.)
9. Damdinsuren Ts., Tsendina A. D. *Tibetskiy sbornik rasskazov iz Panchatantry [The Tibetan Collection of Stories from Panchatantra]*. Ulaanbaatar, Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the Mongolian People’s Republic Publ., 1983, vol. 20, part 3. 107 p. (In Mongolian)
10. Dongak A. S.-O. *Syuzhety i motivy “obramlennykh povestey” v tuvinskoj skazochnoy traditsii: dis. ... kand. filol. nauk [Plots and Motifs of “Framed Stories” in the Tuvan Fairy Tale Tradition. PhD. philol. sci. diss.]*. Ulan-Ude, 2004. 164 p. (In Russ.)
11. Samdan Z. B. Indian Stories in the Epic and Fabulous Mythological Tradition of the Tuvinians. In: *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost’ [Asian Studies: History and Modernity]*, 2022, no. 3 (3), pp. 70–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskie-syuzhety-v-epicheskoy-i-skazochno-mifologicheskoy-traditsii-tuvintsev> (accessed on January 10, 2024). (In Russ.)
12. Dandaryn Yëndon. *Skazochnye syuzhety v pamyatnikakh tibetskoy i mongol’skoj literatur [Fairy Tales in Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 183 p. (In Russ.)
13. Menyaev B. V. Oirat Collection “The Tale of the Nectar Teaching”: The Motif for Visiting Hell. In: *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China: Materials of the International Scientific Conference]*. Elista, Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 88–93. (In Russ.)
14. Menyaev B. V. Genre Features of Oirat Collection “Legend of the Nectarous Doctrine”. In: *Nauchnaya mysl’ Kavkaza [Nauchnaya mysl’ Kavkaza]*, 2011, no. 1–2 (65), pp. 76–78. (In Russ.)
15. Menyaev B. V. “Individual Status” of the Characters from the Oirat Monument “The Tale of the Nectar Teaching”. In: *Filologiya i kul’tura [Philology and Culture]*, 2023, no. 4 (74), pp. 154–162. Available at: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/451> (accessed on January 10, 2024). DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162 (In Russ.) (a)
16. Menyaev B. V. *Istoriko-kul’turnoe nasledie xoshutov Kalmykii: issledovanie i materialy [Historical and Cultural Heritage of the Khoshuts of Kalmykia: Research and Materials]*. Elista, Kalmyk State University Named After B. B. Gorodovikov Publ., 2023. 544 p. (In Russ. and Kalm.) (b)
17. Menyaev B. V. Plot of ATU 160 in Oirat Monument “Tale of Nectar Teaching”. In: *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 2023, vol. 12, no. 9, pp. 281–299. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/4968> (accessed on January 10, 2024). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299 (In Russ.) (c)
18. Nimyan Basang, Ni. Basang and His Collection of Antique Books. In: *Khan Tengri*. Urumqi, People’s Publishing House of Xinjiang Publ., 1984, no. 2, pp. 1–3. (In Oirat)

19. Report by N. Ochirov. Trip to Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Uluses of Astrakhan Kalmyks. In: *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, arkheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographical Relations]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1913, series 2, no. 2, pp. 63–91. (In Russ.)
20. Ochrin Namdjil. O moey kolleksii pis'mennykh pamyatnikov na oyratskom pis'me [About My Collection of Written Monuments in the Oirat Writing]. In: *O traditsiyakh olyëtov Sin'tszyana* [About Traditions of the Olot People of Xinjiang]. Urumchi, Xinjiang Science and Technology Publishing House Publ., 2011, pp. 614–641. (In Oirat)
21. *Panchatantra*. Moscow, Nauka-Vostochnaya literatura Publ., 2020. 414 p. (In Russ.)
22. Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Kalmyk Language]. Kazan, Kazan State University Publ., 1847. 392 p. (In Russ.)
23. Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwestern Mongolia]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek Publ., 2005. 1026 p. (In Russ.)
24. Pypin A. N. *Istoriya russkoy etnografii* [The History of Russian Ethnography]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1891, vol. 2, pp. 423–427. (In Russ.)
25. Aarne A. *The Types of the Folktale a Classification and Bibliography*. New York, Burt Franklin Publ., 1971. 279 p. (In English)
26. *Skazanie o Seri Rame: Indoneziyskaya Ramayana* [The Tale of Seri Rama: Indonesian Ramayana]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury Publ., 1961. 294 p. (In Russ.)
27. Toporkov A. L. *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX veka* [The Theory of Myth in Russian Philological Science of the 19th Century]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 456 p. (In Russ.)
28. Shaytanov I. O. Historical Poetics of A. N. Veselovsky: Comparative Method. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 3, pp. 170–175. (In Russ.)
29. Forke A. *Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die vergleichende Märchenforschung* [Indian Fairy Tales and Their Significance for Comparative Fairy Tale Research]. Berlin, K. Curtius Publ., 1911. 77 p. (In German)
30. Benfey T. *Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen* [Panchatantra: Five Books of Indian Fables, Fairy Tales and Stories]. Leipzig, Brockhaus Publ., 1859, vol. 1. 611 p. (In German)
31. Bhattacharya A. Oral tradition of the Rāmāyana in Bengal. In: *The Ramayana tradition in Asia*. New Delhi, Sahitya Akademi Publ., 1980, pp. 614–616. (In English)
32. Chutiwongs N. On the Jātaka Reliefs at Cula Pathon Cetiya. In: *Journal of the Siam Society*, 1978, vol. 66, part 1, pp. 133–151. (In English)
33. Godakumbura C. E. The Rāmāyana. A Version of Rama Story from Ceylon. In: *Journal of the Roal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1946, no. 1, pp. 14–22. (In English)

34. Jong J. W. de. An Old Tibetan Version of the Ramāyāna. In: *T'oung Pao*, 1972, vol. 58, pp. 190–202. (In English)
35. Kohler R. *Kleinere Schriften zur Märchenforschung [Smaller Writings on Fairy Tale Research]*. Weimar, Verlag von Emil Felber Publ., 1898. 608 p. (In German)
36. *Ramayana: Masterpiece of Thai Literature Retold from the Original Version: The Story Was Also Depicted in Frescoes on the Walls of the Temple of the Emerald Buddha in the Grand Palace of Bangkok*. Bangkok, Chalermnit Publ., 1982, pp. 90–92. (In English)
37. Rockhill W. W. Tibetan Buddhist Birth-Stories: Extracts and Translations from the Kandjur. In: *Journal American Oriental Society*. New Haven, Yale University Publ., 1897, vol. 18. First Half, pp. 1–14. (In English)
38. Sarkar S. *A Study on the Jātakas and the Avadānas: Critical and Comparative*. Calcutta, Saraswat Library Publ., 1981, vol. 1. 586 p. (In English)
39. Schlagintweit E. *Buddhism in Tibet Illustrated by Literary Documents and Objects of Religious Worship. With an Account of the Buddhist Systems Preceding it in India*. Leipzig, F. A. Brockhaus Publ., 1863. 403 p. (In English)
40. *The Kāshmiri Rāmayana*. Calcutta, Asiatic Society of Bengal Publ., 1930. 139 p. (In English)
41. *The Ramayana of Valmiki*. London, Shanti Sadan Publ., 1952, vol. 2. 708 p. (In English)
42. Thompson S. *Motif-Index of Folk-Literature*. Vol. 1–7. Bloomington, Indiana University Publ., 1955–1958. (In English)
43. Weber A. *Indische Studien [Indian Studies]*. Berlin, Leipzig Publ., 1849–1878. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Меняев Бадма Викторович, специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Российская Федерация, 358000); ORCID: <https://orcid.org/0000-9205-4537>; e-mail: bmeyayev@mail.ru.

Badma V. Menyayev, Specialist of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”, Kalmyk State University Named After B. B. Gorodovikov (ul. Pushkina 11, Elista, 358000, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-9205-4537>; e-mail: bmeyayev@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.03.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2024

Дата публикации / Date of publication 13.05.2024